

- [Бродский Иосиф](#)

○

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной](#)
[электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Бродский Иосиф

Напутствие

Иосиф Бродский

Напутствие

Дамы и господа!

Пойдете ли вы по жизни дорогой риска или благоразумия, вы рано или поздно столкнетесь с тем, что по традиции принято называть Злом. Я говорю не о персонаже готических романов, а как минимум о реальной общественной силе, которая никоим образом вам неподвластна. И ни благие намерения, ни хитроумный расчет не избавляют от неизбежного столкновения. Более того, чем осторожнее и расчетливее вы будете, тем более вероятна встреча и тем болезненней будет шок. Жизнь так устроена, что то, что мы называем Злом, поистине вездесуще, хотя бы потому, что прикрывается личиной добра. Оно никогда не входит в дом с приветственным возгласом: "Здорово, приятель! Я -зло", что, конечно, говорит о его вторичности, но радости от этого мало -слишком уж часто мы в этой его вторичности убеждаемся.

Поэтому было бы весьма полезно подвергнуть как можно более тщательному анализу наши представления о добре, образно говоря, перебрать гардероб и посмотреть, что из одежд приходится незнакомцу впору. Это займет немало времени, но время будет потрачено отнюдь не зря. Вы будете ошеломлены, узнав, сколь многое из того, что вы считали выстраданным добром, легко и без особой подгонки окажется удобным доспехом для врага. Возможно, вы даже усомнитесь, не есть ли он ваше зеркальное отражение, ибо всего удивительнее во Зле -

- его абсолютно человеческие черты. Так, например, нет ничего легче, чем вывернуть наизнанку понятия о социальной справедливости, гражданской добродетели, о светлом будущем и т. п. Вернейший признак опасности здесь -масса ваших единомышленников, не столько из-за того, что единокорые легко вырождается в единообразие, сколько по свойственной большому числу слагаемых вероятности опошления благородных чувств.

Не менее очевидно, что самая надежная защита от Зла -- в бескомпромиссном обособлении личности, в оригинальности мышления, его парадоксальности и, если угодно -- эксцентричности. Иными словами, в том, что невозможно исказить и подделать, что будет бессилён надеть на себя, как маску, завзятый лицедей, в том, что принадлежит вам и только вам -- как кожа: ее не разделить ни с другом, ни с братом. Зло сильно монолитностью. Оно расцветает в атмосфере толпы и сплоченности, борьбы за идею, казарменной дисциплины и окончательных выводов. Тягу к подобным условиям легко объяснить его внутренней слабостью, но понимание этого не прибавит силы, если Зло победит. А Зло побеждает, побеждает во многих частях мира и в нас самих. Глядя на его размах и напор, видя -- в особенности! -- усталость тех, кто ему противостоит, Зло ныне должно рассматриваться не как этическая категория, а как явление природы, и исчислять его в пору не единичными наблюдениями, а делать карты по образцу географических. И я обращаюсь к вам с этой речью не потому, что вы полны сил, молоды и ваши души чисты. Нет, чистых душ нет среди вас, и вряд ли вы найдете в себе силу и стойкость для очищения. Моя цель проста. Я расскажу вам о способе сопротивления Злу, который, может быть, однажды вам пригодится; о способе, который поможет вам выйти из схватки если не с большим результатом, то с меньшими потерями,

чем вашим предшественникам. Я, разумеется, буду говорить о знаменитом "Кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую". Я исхожу из того, что вам известно, как толковали этот стих из Нагорной проповеди Лев Толстой, Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг и многие другие. Следовательно, я исхожу из того, что вам знакома концепция пассивного непротивления и ее главный принцип -- воздаяние добром за зло, т. е. отказ от мщения. При взгляде на мир сегодня невольно приходит на ум, что этот принцип, мягко говоря, не получил повсеместного признания. Причин здесь две. Во-первых, он применим в условиях хоть минимальной демократии, а это как раз то, чего лишены восемьдесят шесть процентов людей Земли. Во-вторых, здравый смысл подсказывает пострадавшему, что, подставив другую щеку, и не отомстив, он добьется в лучшем случае моральной победы, то есть чего-то неосязаемого. Естественное желание подставить себя под второй удар подкрепляется уверенностью, что это только разгорячит и усилит Зло и что моральную победу противник припишет себе.

Но есть другие, более серьезные поводы для сомнений. Если первый удар не вышиб дух из потерпевшего, он может задуматься над тем, что, подставив другую щеку, он растравляет совесть обидчика, не говоря о его бессмертной душе. Моральная победа может оказаться не такой уж моральной, потому что страдающий часто склонен к самолюбованию и, кроме того, страдание возвышает обиженного, дает ему превосходство над врагом. А как бы ни был зол ваш недруг, он -- человек, и, не умея возлюбить ближнего, как самого себя, мы все же знаем, что зло начинается там, где человек начинает полагать себя лучше других. (Не потому ли вы получили первую пощечину?) Так что, кто подставляет другую щеку, тот, самое большее, сводит на нет успех противника.

"Смотри,-- как бы говорит вторая щека,-- ты мучаешь только плоть. Тебе не добраться до меня, не сокрушить мой дух". Правда, это и в самом деле может раззадорить обидчика.

Двадцать лет назад в одной из многочисленных тюрем на севере России произошла следующая сцена. В семь часов утра дверь камеры распахнулась, и вертухай обратился с порога к заключенным:

-- Граждане! Коллектив ВОХР вызывает вас на социалистическое соревнование по рубке дров, сваленных у нас во дворе.

В тех краях нет центрального отопления, и органы УВД взимают своеобразный налог с лесозаготовителей в размере одной десятой продукции. В момент, о котором я говорю, двор тюрьмы выглядел точно, как дровяной склад: груды бревен громоздились в два и три этажа над одноэтажным прямоугольником самой тюрьмы. Нарубить дрова было, конечно, необходимо, но таких социалистических соревнований раньше не было.

-- А если я не буду соревноваться? -- спросил один заключенный.

-- Останешься без пайка,-- ответил страж.

Раздали топоры, и дело пошло. Узники и охрана вкалывали от души, и к полудню все, в первую очередь изголодавшиеся зеки, выдохлись. Объявили перерыв, все сели перекусить, кроме заключенного, который спрашивал утром об обязательности участия. Он продолжал рубить. Все дружно над ним смеялись и острили в том духе, что вот-де, говорят, будто евреи хитрые, а этот -смотри, смотри... Вскоре работа возобновилась, но уже с меньшим пылом. В четыре у охранников кончилась смена. Чуть позже остановились и зеки. Лишь один топор по-прежнему мелькал в воздухе. Несколько раз ему говорили "хватит", и заключенные, и охрана, но он не обращал внимания. Он словно втянулся и не хотел сбивать ритм или уже не

мог. Со стороны он выглядел роботом. Прошел час, два часа, он все рубил. Охрана и заключенные смотрели на него пристально, и глумливое выражение на лицах сменилось изумлением, затем страхом. В половине восьмого он положил топор, шатаясь, добрал до камеры и заснул. В остаток срока, проведенного им в тюрьме, ни разу не организовывалось социалистическое соревнование между охраной и заключенными, сколько бы дров ни привозили в тюрьму.

Наверное, тот парень выдержал это -- двенадцать часов рубки без перерыва -- потому, что был молод. Ему было двадцать четыре года, чуть больше, чем вам сейчас. Но думаю, что в основе его поведения лежало нечто иное. Не исключено, что он, как раз потому, что был молод, помнил Нагорную проповедь лучше, чем Толстой и Ганди. Ибо зная, что Сын человеческий обычно изъяснялся трехстишиями, юноша мог припомнить, что соответствующее решение не кончается на "Кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую", а продолжается через точку с запятой: "И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; И кто принудил тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два". В таком виде строчки Евангелия мало имеют отношения к непротивлению злу насилием, отказу от мести и воздаянию добром за зло. Смысл этих строк никак не в призыве к пассивности, а в доведении зла до абсурда. Они говорят, что зло можно унижить путем сведения на нет его притязаний вашей уступчивостью, которая обесценивает причиняемый ущерб.

Такой образ действий ставит жертву в активнейшую позицию -- позицию духовного наступления. Победа, если она достигнута, не только моральная, но и вполне реальная. Другая щека взывает не к совести обидчика, с которой он легко справится, но ставит его перед бессмысленностью всей затеи -- к чему ведет всякое

перепроизводство. Напоминаю вам, что речь не идет о честной схватке. Мы обсуждаем ситуацию, когда изначально силы противников не равны, когда нет возможности ответить ударом на удар и обстоятельства все против тебя. Другими словами, мы говорим о черной минуте жизни, когда моральное превосходство над врагом не утешает, а враг слишком нагл, чтобы будить в нем стыд или крупницы чести, когда в вашем распоряжении -- собственные ваши лицо, одежда да две ноги, готовые прошагать, сколько надо. Здесь уже не до тактических ухищрений. Подставленная вторая щека -- это выражение сознательной, холодной, твердой решимости, и шансы на победу, сколь бы малы они ни были, прямо зависят от того, всё ли вы взвесили. Поворачиваясь щекой к врагу, вы должны знать, что это только начало испытаний, как и цитаты, и должны собраться с духом для прохождения всего пути -- всех трех стихов из Нагорной проповеди. В противном случае вырванная из контекста строка приведет вас лишь к увечью). Строить этику на оборванной цитате значит либо накликать беду на свою голову, либо обратиться в умственного буржуа, размякшего в уюте убеждений. В любом из этих двух случаев (из них второй, в компании всех благородных поначалу и обанкротившихся потом движений по крайней мере не лишен приятности) вы отступаете перед Злом, отказываясь обнажить его слабость. Ибо, позвольте опять напомнить, Злу присущи абсолютно человеческие черты. Этика, построенная на оборванной цитате, изменила в Индии после Ганди разве что цвет кожи правителей. А голодному безразлично, из-за кого он голоден. Пожалуй, он предпочтет обвинить в своем горестном положении белого, а не собрата, потому-то социальное зло тогда приходит откуда-то извне и, может быть, окажется менее гнетущим. Когда враг -- чужой, то остается почва для надежд и иллюзий. Так же и в России, этика,

основанная Толстым на оборванной цитате, в большой степени подорвала решимость народа в борьбе с полицейским государством. Что впоследствии, известно: за шесть десятилетий подставленная щека и все лицо народа обратились в один огромный синяк, и государство, уставшее от бесчинств, в конце концов стало попросту плевать в него. Как и в лицо всему миру. Так что, если вы захотите применить христианское учение на практике и на языке современности истолковать слова Христа, вам не обойтись тарабарским жаргоном современной политики. Вам надлежит усвоить первоисточник умом, если не сердцем. В Нем было значительно меньше от доброго человека, чем от Духа Святого, и опираться на Его доброту в ущерб Его философии смертельно опасно.

Признаюсь, мне отчасти неловко толковать об этих материях, потому что подставлять или не подставлять другую щеку в конечном счете каждый решает сам. Борьба идет без свидетелей. Ее орудием служит ваше лицо, ваша одежда, вашим ногам предстоит шагать. Советовать, тем более указывать, как распорядиться этим достоянием, не то чтоб недопустимо, но безнравственно. Всё, к чему я стремлюсь, это освободить вас от словесного штампа, который подвел столь многих и принес так мало пользы. И еще я бы хотел заронить в вас мысль, что пока у вас есть лицо, рубашка, верхняя одежда и ноги, не безнадёжен и беспросветный мрак.

И, наконец, важнейшая причина ставит того, кто говорит вслух об этом, в неловкое положение -- и это не одно только по-человечески понятное нежелание слушателя смотреть на себя, юного и отважного, как на потенциальную жертву. Нет, это просто трезвый взгляд на людей и понимание, что и среди вас, в этой аудитории, есть потенциальные палачи, а раскрывать военную тайну перед врагом -- плохая стратегия.

Снимает же с меня обвинение в невольном предательстве или, еще хуже, в механическом переносе сиюминутного статус-кво в будущее надежда, что жертва будет всегда хитрее, сообразительнее и предприимчивее своего палача. И это даст ей надежду на выигрыш.

Уильямс-колледж, 1984 г.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)